

КНИГОВЕДЕНИЕ

УДК 002.2

К. В. Ивина

Московский государственный институт культуры

Книга в поле современного читателя: социокультурный анализ

Рассмотрены объективные факторы снижения интереса к книге как культурному феномену. Определены роль и значение книги в развитии личности, обоснована необходимость чтения как важнейшего фактора сохранения интеллектуального потенциала нации и общества. Сделан вывод: отношение к книге коррелируется такими объективными факторами, как коммерциализация книжного рынка, сокращение количества библиотек, снижение уровня общей культуры в стране. Отмечено, что с внедрением цифровых технологий в коммуникационное пространство меняются и формы функционирования книг: от электронного варианта до аудиокниг. Подчёркнуто, что просветительская ценность книги незыблема.

Ключевые слова: книга, культура, читатель, медиaprостранство, цифровые технологии, семиотика, библиотеки.

UDC 002.2

Karina Ivina

Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

The book within the modern readers environment: The sociocultural analysis

The objective factors of decreasing interest towards reading books as a cultural phenomenon are examined. The role and impact of books on personal development are defined, the relevancy of reading as a significant factor for preserving national cultural potential is substantiated. The author concludes that attitude towards books and reading is correlated with objective factors, such as book market commercialization, decreasing number of libraries and degrading general culture of the nation. She also emphasizes that due to changing human environment and introduction of digital technologies into the communication space, the forms of book functioning have been changing, too (e.g. digital books, audiobooks). The author insists on unbreakable educational value of the books.

Keywords: book, culture, reader, mediaspace, digital technologies, semiotics, libraries.

With the advent of new technologies, our culture has evolved from literature-centric to icono-centric ("icon" is understood as just a picture). The images became the carriers of information. The book status is ambiguous: from the deconstruction of the text and its author from postmodernists, from the spread of myths about the "death of the book" to the recognition of the basic culture of the book element. It should be noted that the postmodernists are not only deprived of the book of life in the modern world, but exclude it from the perception of modern man-reader. The book has a special place in the formation of the personality, its spiritual ideals. Dr. Bakhtin pointed out that special mission of the book lies in the fact that it is a "conductor to the other" for a person. The book creates feelings, attitudes and feelings-actions in the same way as does the theater, painting and music. Studies in recent years show the transformation of the reading behaviour in Russia. In the world ranking of countries in reading Russia is ranked seventh (leaders - India, Thailand, China), although Russia is in the top five on the number of published items. All-Russian Center for studies of public opinion survey data in 2014 shows that in the past three years, the Russians began to read more - an average of 4.55 books per quarter. In youth, the figure is 3.56 book, but one in four in this age group almost did not read. A large part of the students are not interested in culture of their own region - by 65% in Bryansk, up to 35% in the Smolensk region and 32% in the Belgorod region. Students do not know the names of writers, poets, prominent figures of culture, tradition. Someone talk about uselessness of knowledge (20% of respondents in the Belgorod region, 40% in Moscow and Smolensk region, up to 48% in the Chelyabinsk region). The first step to correct the situation have already been made: the list of recommended one hundred books for home reading is approved; there is founded the "Society of Russian literature". Strengthening the capacity of artistic and educational activities of libraries, formation of readers groups of interest, including youth subcultures; use of the Internet and multimedia technologies in municipal libraries will also help to solve this problem.

XXI век получил самые разнообразные определения. Одни называют его техногенно-информационной эпохой. Другие – глобализирующим пространством. Третьи трактуют с точки зрения коммуникативности – как медиакультурное пространство, переживающее парадигмальный сдвиг от «галактики Гутенберга» (М. Маклюэн) к «галактике компьютерного гипертекста» и «компьютерной виртуализации». Все по-своему правы, поскольку носителями информации в медиакультурном пространстве выступают формы «знаковых интерпретантов», порождающих «матрицы социокультурных репрезентаций», рефлексорной производной которых является медиафилосо-

софия, формирующая такие абстракции, как «медиареальность», «медиаасфера», «медиаобразование», «медиаискусство», «медиакультура», «медиаиндустрия», «медиа субъект», «медиапредмет» и т.п.

Действительно, с появлением новых технологий наша культура превратилась из литературоцентричной в иконоцентричную (слово «икона» понимается как лик, просто картина). Мы давно уже общаемся в социальных сетях посредством фотографий, смайликов – изображение становится таким же носителем информации, как и слово. То есть человек уходит от книги, «книжно-текстуального мышления» и связанного с ним восприятия и интерпретации мира.

Неслучайно в современном культурологическом дискурсе статус книги неоднозначен: от деконструкции текста и его автора у постмодернистов (М. Хайдеггер, Ж. Лакан, Ж. Деррида, М. Фуко и другие), от распространения мифологемы о «смерти книги» (Р. Брэдли, М. Маклюэн) до признания книги основным элементом культуры (А. И. Арнольдов, Д. С. Лихачёв). Следует отметить, что постмодернисты не только лишают книгу жизни в современном мире, но и исключают её из восприятия современным человеком-читателем.

Так, Р. Барт утверждает, что сегодняшний читатель – это уже не тот человек, которого воспитывает автор на своих произведениях. Это «человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто...» («Смерть автора», 2007 г.). Он читает произведение искусства, не вникая в его смысл. Творчество для такого читателя – формальность, или, как заявляет Р. Барт, «пустой процесс», который совершается автоматически, сам собой, без отсылки к человеку. Согласно Барту, писатель и читатель – это субъекты без субъективности. Их высказывания нельзя отличить от того, что делает машина. Бог отвергнут Бартом, человек десакрализован, а текст лишён тайны.

Здесь уместно обратить внимание на знаменательное восклицание великого У. Эко в одной из последних его работ: «Не надейтесь избавиться от книги!» У. Эко подчёркивает: «Книги... не могут быть заменены никаким электронным ухищрением», ибо они принадлежат «к таким же бессмертным чудесам технологии, что и колесо, нож, ложка, молоток, кастрюля, велосипед» [6. С. 405].

Таким образом, рефлексия книги в пространстве культуры высвечивает её исключительность. Книга занимает особое место в формировании личности, её духовных идеалов. Неслучайно М. М. Бахтин отмечал особую миссию книги, заключающуюся в том, что она для человека есть «проводник к другим». В этом смысле книга растит личность – человека, включён-

ного в систему общественных связей и отношений. Книга формирует чувства-отношения и чувства-действия. Она создаёт ориентиры деятельности, практики, этики поступка; побуждает мысль, генерирует переживания, модифицирует состояния и человеческие порывы (в том числе и стойкие, имеющие влияние на всю жизнь). В этом качестве книга, как и театр, и живопись, и музыка, никогда не умрёт, сколько бы ей ни пророчили смерть.

Однако не стоит отрицать, что в статусе книги, чтения в современном мире произошли изменения. Во-первых, изменилась структура чтения. Во-вторых, – характер писательства. Сегодня книга стала полистилистическим явлением, мультипарадигмальным феноменом. Возьмём, скажем, Д. Брауна, а именно – его «Код да Винчи». Одна составляющая произведения – культурологический детектив, другая – «экшен», и всё это помножено на ребус, загадку, а ребус – не литературный жанр. Но это и привлекает современного читателя. Другой пример – писатель В. Пелевин. В его творчестве происходит смешение жанров – конспирологического романа с сатирическим, и всё переформатировано в образы массовой культуры, что также размывает литературный жанр. Однако артхаус В. Пелевина специфичен и «работает» на индикат российского читателя, не сваливаясь в мейнстрим.

Исследования последних лет демонстрируют трансформацию читающего массива в России. Так, в мировом рейтинге читающих стран Россия занимает седьмое место (лидеры – Индия, Таиланд, Китай), хотя входит в пятёрку по количеству выпускаемых наименований. Проблема отношения к книге высвечивает общемировой тренд. Например, в Великобритании около 40% населения не прочитали ни одной книги в жизни, предпочитают газету.

Вместе с тем данные опроса ВЦИОМ 2014 г. показывают, что в последние три года россияне стали читать больше – в среднем 4,55 книги в квартал. У молодёжи этот показатель составляет 3,56 книги, однако каждый четвёртый этой возрастной категории практически не читает [5]. Предпочтительными жанрами для молодых людей остаются фантастика, «женские» и исторические романы. При этом набирает популярность героико-патриотическая тематика (особенно среди абитуриентов и курсантов военных вузов).

Картина художественно-образовательных предпочтений молодёжи противоречива. Данные прикладного социологического опроса (исследования И. И. Ирхен) в восьми субъектах Российской Федерации (Москва, Белгородская, Брянская, Костромская, Смоленская, Тамбовская и Челябинская области, Пермский край) свидетельствуют о том, что интерес к книге, её выбор косвенно связаны с художественно-образовательными предпочтениями молодёжи. Значительная часть студентов колледжей и вузов культуры

не интересуется культурой своего региона – от 65% на Брянщине, до 35% на Смоленщине и 32% в Белгородской области. Студенты не знают имён писателей, поэтов, выдающихся деятелей культуры, сложившихся традиций, но оценивают свой уровень знаний в этой области как средний [1. С. 353]. Даже высказываются суждения о ненужности таких знаний (20% опрошенных в Белгородской области, по 40% в Москве и Смоленской области, 48% в Челябинской области) [Там же. С. 349].

Такова реальная картина. Она, как видно, – противоречивая. Несомненно одно: интерес к книге и чтению в молодёжной среде уступает место другим увлечениям. В этом контексте понятно, почему молодёжь отдаёт предпочтение массовой беллетристике как части современной обыденной культуры. Её потребление, не фиксирующее в сознании названий книг и их авторов, превращает молодёжь в носителей «мозаичной культуры» (А. Моль) [4. С. 44].

Можно резюмировать: формируя своё семиотическое пространство и ориентируясь на «среднего» потребителя, массовая культура изменяет хронотоп, в котором разворачивается художественно-образовательный процесс [1. С. 350]. Отметим также, что, склоняясь к потребительству, массовая культура опустошает, выхолащивает духовную составляющую профессионального бытия. Часть молодого поколения россиян, увы, становится другой общностью с иными базовыми предпочтениями.

Очевидно и другое: количество читателей, отношение к книге напрямую коррелируют с качеством инфраструктуры чтения, активно идущими процессами сокращения числа муниципальных библиотек, обнищанием библиотечных фондов. В депрессивных регионах страны, где объём финансирования библиотек невысок, социально-воспитывающее значение книги снижено, из-за чего возникают риски разрыва связи поколений в культуре. Неслучайно проблема сокращения библиотек, необходимости их целевой поддержки неоднократно обсуждалась в Комитете по культуре Государственной Думы РФ. Важность поддержки библиотек подчёркивается и в «Основах культурной политики Российской Федерации» (2014).

Отмеченные процессы, с одной стороны, отражают имманентное свойство культуры, её стремление к обновлению, а с другой – требуют дальнейшего осмысления, принятия адресных мер на государственном и региональном уровнях. И первые шаги в этом направлении уже сделаны: утверждён список из ста книг для внеклассного чтения школьников; в общеобразовательных школах введено обязательное сочинение; учреждено «Общество русской словесности» (2016).

Чтобы чтение вошло в моду, государственный статус должна обрести

Программа поддержки и развития чтения. Кроме того, усиление потенциала художественно-просветительской деятельности библиотек, формирование читательских активов по интересам, в том числе молодёжных субкультур; использование интернета и мультимедийных технологий в муниципальных библиотеках также помогут решить эту проблему [3. С. 190].

Необходимо найти разумный выход из сложившейся ситуации, когда повсеместно закрываются книжные магазины, газетно-журнальные киоски. Требуется коррекция процесс тиражирования книг. Почему, например, тиражи книг классиков русской литературы и писателей патриотической направленности сокращаются, а тиражи авторов либерально-оппозиционного толка увеличиваются? К сожалению, становятся всё тоньше и литературно-художественные журналы. Даже популярная «Литературная газета» значительно сократила объём своего печатного издания.

Таким образом, нельзя отрицать, что в сфере, связанной с книгой и чтением, происходят переходные процессы. Но переходное время – вечно. Время имеет свойство перманентности и изменчивости. Меняется способ существования человека, совершенствуются средства его информационно-коммуникационного бытия. Всё это, безусловно, коррелирует духовную среду и духовную деятельность людей. Однако книга вряд ли потеряет своё место в поле человеческой жизнедеятельности. Человек сам придёт к книге, чтению. Но необходимы и оперативные меры их поддержки, созидательные действия, ибо книга есть тот скреп, который объединяет и развивает общество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Ирхен И. И.** Массовая культура как образовательная среда: региональные феномены и общероссийские тенденции // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4–1. – С. 349–353.

Irhen I. I. Massovaya kultura kak obrazovatel'naya sreda: regionalnye fenomeny i obshcherossiyskie tendentsii // Mir nauki, kultury, obrazovaniya. – 2011. – № 4–1. – S. 349–353.

2. **Remizov V. A., Irkhen I. I.** Culture of Personality in the Discourse of the Recourse of Social Development // Наука и человечество. – 2014. – № 4–1. – С. 138–146.

3. **Садовская В. С.** Родительские инвестиции в образование детей: опыт исследования // Вестн. МГУКИ. – 2015. – № 3. – С. 187–193.

Sadovskaya V. S. Roditel'skie investitsii v obrazovanie detey: opyt issledovaniya // Vestn. MGUKI. – 2015. – № 3. – S. 187–193.

4. **Синецкий С. Б., Синецкая Т. М.** Искусство и интеллектуализация общества: новый старый смысл культурной политики // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2014. – № 3 (39). – С. 41–45.

Sinetskiy S. B., Sinetskaya T. M. Iskusstvo i intellektualizatsiya obshchestva: novyy staruy smysl kulturnoy politiki // Vestn. Chelyab. gos. akad. kultury i iskusstv. – 2014. – № 3 (39). – S. 41–45.

5. **Что читаем?** Пресс-выпуск № 2596 Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114843>.

Chto chitaem? Press-vypusk № 2596 Vserossiyskogo tsentra issledovaniya obshchestvennogo mneniya (VTSIOM) [Elektronnyy resurs].

6. **Эко У.** Картонки Минервы: заметки на спичечных коробках / У. Эко. – С.-Петербург : Simposium, 2008.

Eko U. Kartonki Minervy: zametki na spichechnykh korobkakh / U. Eko. – S.-Peterburg : Simposium, 2008.

Karina Ivina, Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Dean, Social and Humanitarian Faculty, Moscow State Institute of Culture;

ivinakarina@mail.ru

7, Bibliotechnaya st., 141406, Khimki, Moscow Oblast, Russia